

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА АНАЛИТИЧЕСКОЙ АМПЛИФИКАЦИИ В ТЕРАПИИ ПАЦИЕНТА С ПОГРАНИЧНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ПСИХИКИ НА ОСНОВЕ СКАЗКИ «ПОЙДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ, ЧТО»

Савкина Светлана Борисовна, sbsavkina@yandex.ru, аналитический психолог, действительный член ОППЛ, аккредитованный член в «Союз психотерапевтов и психологов», частнопрактикующий специалист. Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В данной статье описан фрагмент психотерапевтической работы в парадигме юнгианского анализа с использованием метода амплификации с пациентом, имеющим пограничное расстройство психики. Амплификация — инструмент аналитической работы, введенный в практику К.Г. Юнгом, позволяющий исследовать и интерпретировать явные и скрытые психодинамические процессы через символический язык. По сути процесс амплификации — осмысление индивидуальной психической жизни индивида посредством использования коллективного опыта знаний: мифов, легенд, сказок и т.п. Современная психология, считал Юнг, так или иначе, имеет дело с продуктами бессознательной фантазии — мифологическими и сказочными мотивами, наиболее объективно отражающими динамику психической жизни. «Пользуясь методом мифологической амплификации, мы выбираем те или иные аналогии потому, что их смысловое ядро идентично содержанию исследуемых процессов или в каком-то отношении походит на него. Принимая в качестве данности, что все, когда-либо выраженное человеком в словесной или образной форме, обладает абсолютной психической реальностью, мы можем утверждать, что любая аналогия помогает уточнить, объяснить и подтвердить наше толкование мотивов бессознательных процессов» [4]. В случае с данным пациентом универсально подошла русская народная сказка «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» [22]. Опираясь на исследования признанных авторов психоанализа и аналитической психологии, амплификацию этой сказки можно рассматривать как абрис мужского пути индивидуации, «синтетического процесса», описанного К.Г.Юнгом [12]. «Возможной целью, здоровым предназначением ассимилирующих процессов является путь индивидуации, подразумевающий самоосуществление, становление человека самим собой. Индивидуация от лат. in-dividuus означает «неделимый», «неразделенный», «неразведенный», «нерасщепленный» [19]. Индивидуация предполагает достижение психически нового интегрированного состояния, установление устойчивой связи между эго (осознаваемый идентифицированный образ «Я») и архетипом Самости (сложный центр психической жизни, соединяющий бессознательные и сознательные знания человека о себе самом и трансформирующий личность,). Амплификация данной сказки позволяет исследовать внутриспсихическое взаимодействие архетипической пары — маскулинного начала в сознательном поле мужчины и женского в его бессознательном — на разных этапах развития. Подобное взаимодействие отражает реальные отношения с противоположным полом, отзеркаливая внутреннюю/внешнюю мужскую/женскую часть личности. Также данная амплификация дает возможность предположить, что является основным фактором, «запускающим» процесс индивидуации у мужчин.

Ключевые слова: пограничное расстройство, аналитическая психотерапия, амплификация, индивидуация, архетип, эго, анима, Самость.

1. Краткая формулировка клинического случая

Идея выбора амплификации данной сказки возникла в процессе аналитической психотерапии на одной из терапевтических сессий.

Клиент К., мужчина 40 с «хвостиком» лет, имеющий высшее техническое образование, воспитанный авторитарной матерью, психологически сильно зависимый от нее, не знавший отца. Типологически — экстраверт, привыкший оценивать реальность рационально, в знакомой предметно-логической плоскости, ориентируясь только на понятные критерии, длительное время совершенно невосприимчивый к образным выражениям и интерпретациям. Для К. характерно привычное расщепление внутренней и внешней реальности на хорошие и плохие объекты, «нестабильность в межличностных отношениях, представлениях о себе, в способах выражения аффектов, в эмоциональной сфере и выраженной импульсивности, начинающийся в юности и проявляющийся в разнообразных контекстах» [27]. В начале терапии К. имел незрелое, слабо рефлексирующее эго с набором примитивных психологических защит. Согласно диагностической «матрице доэдипальных структур характера Догерти-Вест», привязанной к этапам раннего развития и базовым паттернам отношений, в основе характера данного пациента лежит ищущий паттерн отношений, формирующий зависимую нарциссическую структуру. [2]. К. был дважды женат, жаловался на устойчивое субъективное ощущение собственной импотенции. Неудовлетворенный семейными отношениями стал активным пользователем сайта знакомств.

Испытывая постоянный пессимизм, К. затруднялся сформулировать цель своей поисковой активности, неохотно, скупо и несколько стеснительно описывал свои действия, схожие с поиском Прекрасной Дамы. Когда в очередной раз во время сессии обсуждалось ставшее привычным разочарование пациента от встречи с новоявленной избранницей, психолог предложила метафору: «Как будто Вы ищете то, сами не зная, что». Эта фраза вызвала у К. сильный эмоциональный отклик. Он с воодушевлением процитировал известное выражение «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что», вспомнил авторский пересказ Л. Филатова и выразил однозначное удовлетворение совпадением данной идеи с его внутренним самоощущением.

По мере продвижения в терапевтическом процессе и одновременном поиске «кого-то» К. завязал последовательно три внебрачных романа с разными женщинами. Первые отношения открыли пациенту силу и красоту сексуальных отношений, а также возвратили образ позитивного Я, до этого проецировавшегося на других мужчин. К. описывал в несвойственном ему манере свое потрясение: «небо открылось», «логические волки хотели меня порвать, но я не дался», «я высказываю, как черт из табакерки», «яйцо стучит». Второй роман принес пациенту долгожданное переживание «я могу взять то, что я хочу». Он стал более восприимчив к своей психической реальности с одной стороны, с другой — его некрепкое эго оказалось перед угрозой инфляции, ощущения всемогущества, когда «сознание берет на себя слишком много бессознательных содержаний и утрачивает способность к различению» [15]. К. фантазировал о себе как о великом знатоке женских душ, что заметным образом сказало на его высокой

активности на сайте знакомств. Сознание пациента было загипнотизировано вожделенными успехами в отношениях с женщинами, и спорить с ним было бесполезно. «Отечественный исследователь С.С.Аверинцев отмечал связь термина «инфляция» с церковной фразеологией и полагал, что в русском синонимическом исполнении он лучше всего может быть передан как «гордыня» (в строго религиозном смысле) или как «надмевание» [4]. Тем не менее, инфляция указывало на регрессию сознания пациента в бессознательное. Третья любовная связь, в какой-то мере, спасла пациента от неизбежной катастрофы эго. В это раз выбор пал на молодую женщину с психологическим образованием, научившую пациента различать прошлое, настоящее, будущее, внутреннее и внешнее. Пациент первый раз в терапии рассказал о том, что «чуть не заплакал, почувствовав живой поцелуй».

В последующей работе психолог обращала внимание пациента на «сказочные» параллели его внутренних и внешних процессов, чтобы сформировать навык связывания и интеграции подавленных и отщепленных психических фрагментов в единую картину, прежде всего учитывая наличие интереса (прерывающегося) самого пациента к данным связям.

1.1 Направление, цели и задачи терапии

Направление терапии данного пациента в перспективе индивидуационного процесса можно обозначить как регрессию к первичной травме, проработанную в рамках переноса. Здесь подразумевается возврат либидо к ранним способам адаптации, психическое «высвобождение» инфантильных фантазий и желаний, для того, чтобы реструктуризировать психические защиты в более зрелые и трансформировать привычный способ построения отношений, а также восстановить (насколько возможно) связь эго-комплекса и Самости, чтобы «человек научился...наполняться жизненной энергией, обретая способность вступать в глубокие, нежные, страстные отношения, жить полноценной духовной жизнью» [2]. Регрессию в переносе можно рассматривать как реакцию психики, свойственную более ранним стадиям бытия и необходимым условием для обеспечения роста и продвижения к новому [20].

С точки зрения аналитической психологии данный пациент отказался от развивающего мужчину героического пути [18] в пользу укрепления адаптационных и компенсаторных защит и усиления нарциссической персоны. Однако желание найти и присвоить репрессированную часть души — анима вынудило К. отступить от собственных правил (анима — женская часть психики мужчины, источник его чувств и настроения).

Согласно Юнгу, мужчине, чтобы стать взрослым, необходимо пройти свой индивидуационный путь; мужчина должен научиться бороться со своим материнским комплексом, осознавая, что эта борьба происходит внутри [18]. «Иначе он обязательно будет ее проецировать на отношения с женщинами, либо подчиняя себя их желаниям, либо стремясь доминировать над ними. Оба случая свидетельствуют о власти материнского комплекса. В каждом из них у мужчины проявляется его глубинный страх и глубинное стремление «навсегда исчезнуть в материнской утробе» [17]. Ни один мужчина не может стать самим собой, пока не пройдет через конфронтацию со своим материнским комплексом и не привнесет этот опыт в последующие отношения.

Роберт А. Джонсон, исследовавший в рамках аналитической позиции аспекты феминности в жизни мужчины писал: «Если для психологии мужчины материнский комплекс — сущий яд, то архетип матери — чистое золото» [1]. Действие материнского архетипа проявляет «в человеке женской части божественного начала, его доли, поступающей из вселенского рога изобилия. Это бьющая через край и не имеющая границ щедрость, которой мы постоянно пользуемся». В то время как материнский комплекс «полностью сосредоточен во внутреннем мире мужчины. В нем скрывается регрессивное стремление к тому, чтобы снова стать ребенком и по-прежнему зависеть от матери, в нем можно обнаружить и скрытую надежду на неудачу, и замаскированное желание потерпеть поражение, и подспудное любопытство, возникающее при виде смерти или несчастных случаев, и постоянное и непреклонное требование заботы и ласки» [1]. Если мужчина не научился отличать реальную мать от материнского комплекса или архетипа, то вследствие их регрессивной природы он будет видеть в женщинах или злую ведьму, или прекрасную богиню.

2. Краткое содержание сказки, ставшей основой амплификации

«Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю, что» — русская народная волшебная сказка в обработке А.Н.Афанасьева [22]. В обиходе известно несколько альтернативных вариантов. Главный герой в различных версиях носит имена: стрелец Федот, стрелец Андрей, стрелок (без имени), отставной солдат Тарабанов, купеческий сын Бездольный. Испытания, которые преодолевает герой, в видоизмененных прочтениях также не всегда совпадают. Однако во всех вариантах наблюдается общая фабула: герой — изначально простой «служивый» человек, нечаянно ставший мужем прекраснейшей женщины, впоследствии гонимый верховным правителем из-за его очевидной недостойности обладать красавицей-женой, таким образом наживший себе как врагов, ревнующих к его успеху, так и помощников во время прохождения трудностей. Но самое главное сходство — во всех без исключения случаях герой в финальном испытании отправляется в полную неизвестность в поисках абсолютной неопределенности.

Краткое содержание выбранного для амплификации сказочного сюжета.

«В некотором царстве-государстве жил-был царь, холост — не женат». У царя на службе был стрелок Андрей, в его задачи входила каждодневная добыча лесной дичи для царской кухни. Случилось, Андрею совершенно не повезло на охоте. На обратном пути он ранил в крыло птицу-горлицу. Горлица человеческим голосом попросила стрелка не губить ее, а принести в дом. В доме она обернулась прекрасной Марьей-царевной (в некоторых версиях — душой-девицей) и стала Андрею женой. Молодые зажили обычным порядком. Желая поправить материальное положение семьи, Марья-царевна выткала чудесный ковер, «какого в целом свете не выдывали». Ковер за хорошие деньги взяли купцы, «гости заморские», за еще большие перепродали царскому советнику, а у советника ковер выкупил сам царь. После этого приобретения царский советник, а затем и царь захотели воочию познакомиться с прекрасной ткачихой (в большинстве сказаний Марью-царевну именуют «стрельчиха»). Ну, и «защемила царя сердечная зазноба. Задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа». Царь поручает своему советнику придумать для стрелка невыполнимые поручения, чтобы «известить» его. Советник, измышляя загадки Андрею, пользуется услугами «кабацкой теребени в рваном кафтанишке». Царь, следуя полученным указаниям, посылает Андрея-стрелка сначала «на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка»; затем «за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна»; и после всего отправиться туда, не знаю куда, чтобы принести то, не знаю, что. Андрей успешно справляется со всеми поручениями, руководствуясь четкими наставлениями,

которые дает ему мудрая Марья-царевна, а также заручаясь поддержкой ее родственников и покровителей. Во время странствия стрелок встречается с персонажами, наделенными волшебной силой или волшебными предметами. Искомый Некто из неизведанной области имеет имя сват-Наум (в иных версиях Шмат-Разум), обладающий феноменальной способностью исполнять любые пожелания. Он добровольно соглашается служить Андрею и обучает его на обратном пути домой, как хитростью приобрести некоторые «дикины», жизненно необходимые (как оказалось) в предстоящих событиях. Стрелок, усиленный сотрудничеством с небывало могущим сватом-Наумом, становится практически неуязвимым для враждебных внешних воздействий. В финале сказки Андрей-стрелок встречается со своей верной женой Марьей-царевной, вынужденной в его отсутствие летать бесприютной горлицей, строит собственный дворец, сражается с коварным царем, побеждает его и по просьбе народа вместе с нареченной женой начинает править царством до старости.

3. Анализ фрагмента психотерапевтического процесса с применением метода амплификации

Амплификация — инструмент аналитической работы, интерпретация психодинамических процессов через символический язык, в данном случае через сказку. «Психологическое толкование может исходить из того, что все сказочные персонажи, действия, животные, места и символы представляют собой внутренние душевные порывы, импульсы, переживания и стремления» (Дикманн Ханс) [3]. При этом сказка может иметь несколько интерпретаций.

Основные персонажи данной сказки представлены в простой и краткой форме — это царь-государь, холост-не женат, стрелок-Андрей и птица-горлица, она же Марья-царевна. Эти сказочные персонажи будут служить отражением психической динамики пациента.

Согласно исследованиям М.-Л. фон Франц [8], представитель высшей государственной власти «символизирует доминирующее коллективное сознание». В нашем случае, это возможное указание на декларируемые нормы семейной морали. Отсутствие в сказке жены у престарелого царя указывает на отсутствие принципа Эроса в коллективной установке. Заметим, К. воспитывался в семье, где доминировал запрет на любую «эотику». Страстное желание присовокупить себе мощное начало для «омоложения» сформировало у клиента привыкание к просмотру порнофильмов, предвещающих любой сексуальный контакт.

Описание главного героя, стрелка-Андрея в начале сказочного повествования согласуется с психическим состоянием клиента на представленный момент терапии. К. (точнее, его эго-структура) как и сказочный прототип «совершенно непсихологичен», «его образ схематичен» [8]. Однако однозначно сопоставлять образ стрелка только с состоянием эго К. неправомерно, хотя бы потому, что эго «отражает аспект Самости, ...является архетипической моделью правильного поведения» [15]. Кто такой стрелок? Это охотник или воин, вооруженный луком и стрелами, умеющий точно попадать в цель. Вид стрелы — вектор, указывающий направление движения либидо или наведение взгляда на объект внимания. Также символическое значение стрелы — линия мудрости, повернутая в сторону от земных проблем к высшим идеалам. Нашему Андрею в начале пути до мудрости далеко. Его занятие — ходить в лес и добывать дичь. Лес — распространенный символ бессознательного, как и живущая в нем «дичь». Молодой стрелок из числа тех, кто пока в состоянии решать только простые земные задачи, связанные со «службой», кто по мысли К.Юнга «слепец с завязанными глазами», *puer aeternus* (вечный юноша) [14].

Собственно, К. также всю свою жизнь привык решать простые алгоритмические задачи, заданные извне.

Андрей (образ инфантильного эго) жил в слабо осознаваемом состоянии до тех пор, пока не встретил горлицу. Встреча, кардинально изменившая жизнь, произошла ровно тогда, когда охотник потерпел крах в своих привычных действиях. Горлица — дикая голубка, во все исторические периоды, как всякая птица, наделалась символическим смыслом посредника, осуществляющего связь между небом и землей, божьего посланника, души. В поговорку вошли также верность голубиных пар, и их любвеобилие. Воркование голубей почти повсеместно связывают с эротическими ласками.

Меткий стрелок, видя горлицу, целится убить её, но промахивается и только ранит. Некоторые этнографы упоминают, что раненые животные отражают состояние души, в которой сила инстинктов значительно уменьшилась. Логический парадокс: подбив птицу и нанеся ей травму, Андрей тем самым ослабил силу животных инстинктов своей, пока отделенной анимы. Очевидная ошибка/промах стрелка отражает правильное поведение героя. Отклонение вектора направления либидо от ожидаемой траектории изменяет картину внутреннего состояния в целом. Раненая горлица говорит «странные» речи человеческим голосом: просит принести в дом, посадить на окошко, да бить рукой наотмашь, если она задремлет.

Дом — это хорошо освоенная организация внутреннего (психического) пространства, область сознательных представлений и действий. Окно — видимая граница между внешним и внутренним. Внесение в дом раненой птицы, говорящей человеческим голосом и помещение ее на окошко можно сравнить с возвращением во внутренний мир человека его спроецированной части. Присоединенная проекция перестает «работать» из-за наступления «дремоты» — состояния неясного, полусонного, сумеречного сознания. Чтобы его преодолеть, требуется в нужный момент приложить определенные усилия воли. «Правая рука обычно соответствует активному началу, будущему, обретению знаний и опыта, благотворным изменениям, служит символом духовного влияния и просвещения. Надеясь преимущественно положительным значением, правая рука соотносится с правильным образом действий» [26].

Так начинается совершаться преобразование, необходимое для «добывания счастья» — дикая горлица превращается в Марью-царевну. «Проснувшаяся» душа героя, мужская анима, ранее пребывающая в бессознательном, находит воплощение в человеческом образе.

Далее мы видим мгновенное заключение брака эго-героя и его обретенной анимы, наделенной царским достоинством. Соединиться с одушевленной анимой не сложно, а вот развивать возникшие «брачные» отношения — большой труд для инфантильного эго, потому что развитие означает готовность к изменению. «Символический брак является предварительным и непременным условием плодородия, также дает личности прочную основу для сражения с драконом, будь этот дракон миром или бессознательным» [7]. Именно с этого момента, и вплоть до кульминации сказки жена стрельца будет не просто влиять, но, фактически, определять его судьбу. Это говорит о том, что у истоков поиска истины всегда находится анима, играющая огромную

роль в творческой жизни мужчины. По ходу сюжета станет ясно, что анима — это еще и посредник между человеческим эго и Самостью.

Именно в процессе постепенного осмысления цели своего поиска, воплощенной в женском образе, К. начнет постепенно двигаться из «утопических» нарциссических отношений в объектные, переживая чувства утраты и радости.

Итак, в сказке анима начинает творчески действовать. «Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом свете не выдывали». Здесь и далее чудесная работа Марьи-царевны будет всегда совершаться по ночам. По всей видимости, наиболее эффективный душевный труд, волшебство бессознательного происходит, когда эго спит, и функция контроля отсутствует. Символическое действие ткачества проанализировала М.-Л. фон Франц [8]. Ковер — это и символ матери-земли, и образ внутренней жизни в целом. «Каждую ночь «ткач ковров» наших сновидений принимается за работу внутри нас, создавая фантастически изощренные паттерны, которые настолько хитроумны, что, к сожалению, понять их значение не удается даже после многочасовых попыток» [8].

К., поначалу твердо убежденный в «бредовости» сновидческих содержаний, со временем начал проявлять к ним опосредованный, а затем и прямой интерес. Дистанцируясь от мира собственных фантазий и снов, пациент явным образом указывал на опасную, т.е. не освоенную область своей души. Несмотря на обесценивающую браваду пациента во время пересказа снов, у психолога постоянно возникало сильное чувство, что именно в данный момент пациент остро нуждается в эмпатии. Со временем К. начал с энтузиазмом интерпретировать сны жены и любовниц, подтверждая свой индуцированный контрперенос: сны — интересны, а сны других не так опасны — можно многое узнать о себе более защищенным способом.

Желание обладать Марьей-царевной подвигает царя следовать рекомендациям «кабацкой теребени в рваном кафтанишке» — жуликоватого существа не ясного пола, сомнительной репутации, точно знающего, что представляет собой Андрей, а что — его жена: «сам-то он прост, да жена у него больно хитра». Заметим, что теребень замечательно осведомлен(а) о жизни в потусторонних, не здешних мирах, поэтому предложенные им загадки весьма трудно разгадать. Можно предположить, что на сцене узнаваемая фигура трикстера. Или же кабацкая теребень — это теневое, вытесненное из сознания психическое содержание.

Анализ ранних воспоминаний пациента показал, в младенчестве его несформированное эго не смогло переработать деинтеграционную травму развития, так как рядом не оказалось надежной контейнирующей матери, и лишилось поддерживающей структуры тогда, когда, по Нойману Э., мощные архетипические содержания пришедшей в движение Самости грозят затопить нарождающееся эго [7]. У пациента, образно говоря, не включился поддерживающий «предохранитель». Переживания не-принятия стали угрожающими для психики ребенка, естественным образом включились защитные механизмы, а сам «предохранитель» отщепился в комплекс, содержащий в себе, как видится, ядро архетипического трикстера, первобытного существа. Понимание последующей регрессивной динамики дало возможность соприкоснуться с пространством Тени, где у К. циркулировали подавленные анимусные энергии, отщепленные части анимы, а также теневой оборотень — трикстер, активный комплекс, атакующий эго. Терапевтическая задача на данном этапе — интеграция теневых аспектов.

Испытания, идущие от тени-трикстера — походы в потусторонний мир. Сначала на «тот свет», а после за тридевять земель, в тридесятое царство за котом Баюном. Т.е. в прямом смысле герою следует отправиться в царство мертвых, «в нижний мир». Для этого требуется (на время) умереть. В психологическом смысле пережить состояние депрессии: угнетающее, темное, страшное. Стрельцу есть от чего «голову повесить».

В терапии К. подавленное состояние пациента рекурсивно возобновлялось. Отмечая признаки надвигающегося знакомого «темного» состояния, пациент заметно тревожился, сомневался, подозревал психолога в «нечистых» помыслах. У него активизировались психологические защиты, он гневался и требовал гарантий, боясь, что не справится с сокрушительным потоком тревоги.

Однако в сказке Марья-царевна спокойна и не видит больших сложностей в осуществлении потусторонних походов. Психологу требовалось сохранять эмпатию, эмоциональную стабильность, удерживать терапевтическую «рамку» и руководствоваться аналитическими знаниями. Марья-царевна наряду с четкими инструкциями в первом случае дает мужу мешок сухарей и золотое колечко, указывающее дорогу — символ брака и знак единения с судьбой, а также распространенный символ Самости. Активно действующая анима способна поддержать мужское эго на пути индивидуации и дать ему необходимую «пищу» и направление к высшему смыслу.

Мы помним психоаналитические представления и концепцию Кляйн М. о расщеплении объекта на «хороший» и «плохой». Мать как внешний объект для младенца представлена грудью, которая дифференцируется на два вида: хорошая и плохая [23]. Таким образом, грудь — первый расщепленный объект. «Хорошая грудь — вовне и внутри — становится прообразом любого объекта, приносящего помощь, а плохая грудь — прообразом всех внешних и внутренних преследователей» [5]. Мать для младенца — это воплощенная грудь, К. тосковал о «сисе». Отметим также вслед за аналитиками, пища, функция кормящей матери, становится важным показателем в отношениях. Пациент вспоминал, что «потерял вкус к жизни, к еде; да, кажется, и никогда не имел». Глубинное влечение, не находящее никакого удовлетворения, К. с обреченностью снова проживал во снах. По мере того, как пациент учился осознанию проживать свою «покинутость» и «подавленность» матерью, вкус к пище, к музыке, к природе стал понемногу возвращаться.

Для успешного выполнения второго, более сложного задания сказочная Марья-царевна прибегает к помощи кузнецов, изготовивших для стрелка три железных колпака, железные клещи и прутья. Архетип Кузнеца в психической структуре человека — «признак раннего этапа дифференциации сознания. Кузнец, творя мир, находится на одном уровне с богами, символизирует незамутненность психики вытеснениями» [12]. Кузнечный молот, один из главных атрибутов героя-кузнеца — мифологический образ орудия преобразования мира. Архетип глубокой древности и поныне живет в стихах и песнях. Достаточно вспомнить: «Мы — кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастья ключи. Вздвигайся выше, наш тяжкий молот. В стальную грудь сильней стучи». Итак, творческая работа анимы, усиленная накалом либидо, запускает процессы по дифференциации эго.

Интересны волшебные предметы, созданные кузнецами (колпаки, клещи и прутья). Они необходимы главному герою для (утроенной) защиты не физической, но «психологической» головы и помогают осуществить безопасный захват чего-то, сопряженного с риском. Новое формирующееся сознание должно остаться неповрежденным после схватки с котом Баюном.

Кот-Баюн — огромный кот-людоед, обладающий умением заговаривать, *убаюкивать* путников. Человек, неспособный противостоять его волшебству, неминуемо погибает. Но тот, кто сможет добыть кота, найдёт спасение от всех недугов, ведь сказки Баюна целебны. Уместно предположить архетипическое происхождение данного образа. При каких обстоятельствах человек может заслушаться сказок до потери сознания? Когда бессознательное архетипическое содержание захватывает сознание и парализует его способность к ясному критическому мышлению. К.Г.Юнг предупреждает: «Символический процесс является переживанием образа и через образы... Главная опасность заключается в искушении поддаться чарующему влиянию архетипов» [12].

Какую роль сыграли здесь прутья? Пруты, кнуты — узнаваемые фаллические атрибуты. Они же — средство и символ власти и управления. Кнут использовал Христос, чтобы изгнать менял из храма, обозначая Свою духовную власть. Бичевание — популярное в средневековье средство изгнания дьявола. Т.е. в пространстве психики в процессе индивидуации мужское эго должно суметь одержать духовное превосходство над действиями своей теневой бессознательной анимы, обольщающей, заговаривающей и убаюкивающей сознание, готовой затянуть в пучину одержимости, безумия. Причем, победа эго возможна, когда власть логоса гибкая, способная «вокруг хребта обвиваться».

Можно предположить, в состоянии депрессии человек должен встретиться с «неживыми», устаревшими, отжившими установками, полученными в наследство от «покойничков», гибко пересмотреть их, отказавшись от однозначно губительных. По сути, терапевтическое действие депрессии — осуществление «закона зерна»: «Истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода (Ев. от Иоанна 12,23-25). Также странствующему герою важно получить опыт преодоления соблазнительных наваждений, предлагающих убаюкивающе-иллюзорные, но по сути смертельные суррогаты от депрессии (например, зависимости от психо-активных веществ).

Соприкоснувшись лицом к лицу с разными переживаниями в отношениях с женщинами, пациент начал формулировать некоторые детали динамики, лежащей в пограничной реальности, «открыл себя с другой стороны». Ему стали сниться «безумные», «черно-белые» сны про девушек-наркоманок; в интернете он нашел «Исповедь наркоманки», ставший его настольной книгой, в которой он узнавал собственные чувства и реакции; свое состояние он описывал через термины «ломка», «доза — секс», «зависимость — отношения с женщинами». Клиент не мог принять решение, с какой из женщин, последней любовницей или женой, ему оставаться, его «сердце молчало и плакало», как будто «искало то, не зная, что», но точно придающее жизни ощущение красоты и смысла, ощущение души в целом. Пересказ К. дневника чувств наркоманки походил на ритуальное повторение внутреннего мифа. Его сознание наглядно воспроизводило образ детства и рекурсивно поддерживало связь с исходными условиями жизни. Он с горечью увидел в себе собственную, обусловленную страхом и агрессией, глубокую зависимость от женщины, и непрерывную борьбу с ней: конкурентные отношения, желание унижить, завоевать, подавить. Анализ его сексуальных желаний, также находящихся в прямой и очень жесткой подчиненности от состояния и разрешения женщины, выявил страх кастрации от матери [24]. Сны подтверждали душевные искания пациента и указывали зону поиска — его незрелая анима по-прежнему находится в бессознательной Тени.

Кульминационный накал сказки — в финальном, многоуровневом отрывке. Не смирившийся царь, по наущению неунывающей кабацкой теребени, посылает стрелка туда, не знаю куда за тем, не знаю, чем. Наступило время главного испытания. Сама формула задания свидетельствует о фатальной необходимости отказаться от любых форм сознания: не знаю куда, не знаю, что. Ключевое слово «не знаю». Для К. «не знаю» звучало как смертельный приговор.

Услышав новое повеление, Андрей «сел на лавку и заплакал». «Закручинилась» и Марья-царевна: не помогла ей волшебная книга, «читала, читала, бросила и за голову схватилась». Ничего важного не смогли сообщить ей ни «звери лесные, птицы поднебесные», ни «гады и рыбы морские», ни помощники-великаны. Марья-царевна, будучи женой «простого» стрельца, на самом деле была действительной владычицей над всем земным, животным миром. Но подвластный ей разнообразный природный мир «никогда не слышал» про запредельную загадку о непознанном. Анима, выступая в роли посредника и проводника к трансцендентной Самости, познает свои ограничения. Теперь главный герой должен пройти весь путь самостоятельно. Помощь жены на это раз заключается не в выдаче четких инструкций, а в терпеливом ожидании мужа.

Главному герою сказки предстоит найти пропуск в пра-материнский мир, встретится с Бабой-ягой, прядущей кудель, саму основу грядущего. Она — таинственное женское существо, непонятным для разума образом сочетающее добро и зло, живущая на границе миров: жизни и смерти, ведомого и неведомого, явного и скрытого. Вновь перед нами женский архетипический образ, очень близкий к архетипу Великой Матери. Встреча с Великой Матерью «во внутреннем мире сравнима с готовностью отрешиться и погибнуть в наличном статусе бытийности, ради возрождения в искомом, слушая непредсказуемый и неконтролируемый «шёпот» интуиции» [8]. Баба-яга может как одарить, так и погубить спутника. Для Андрея она выступает наставницей. Возможно, потому, что еще до встречи с архаичной материнской хтонической силой эго мужчины сумело интегрировать важные проявления бессознательной женской природы.

Дальнейшее длительное повествование сказки, насыщенное «говорящими» образами и параллелями, раскрывает детали психического преображения героя на пути встречи и знакомства с искомым кем-то, называемым сват-Наум, архетипическим образом Самости, слившегося в один образ старика-ребенка и существующего в странном месте, которому нет названия — смысловом трансформационном духовном пространстве. Внимательное наблюдение Андрея за проявлениями Самости позволяет ему сделать очередные правильные действия, в результате которых совершилось преобразующее слияние «доброго человека» и нематериальной субстанции, «формы существования, которая на высшем и наиболее универсальном уровне называется Богом» [13], произошло соединение взаимно необходимых друг другу структурных ипостасей психического: эго и Самости. Эго нуждается в Самости, чтобы иметь возможность видеть и осмысливать жизненные процессы трансцендентно. Самость же, со всеми ее

удивительными способностями к чудотворению, не может осуществить их, без доступа к проявленной осознанности, к видимому, телесному миру.

Невероятно информативны для понимания внутренней динамики индивидуационного процесса сказочные описания фантастического возвращения стрелка домой, ведь задача героя — вернуться к точке старта преображенным победителем, с добытыми и осознанно присвоенными дарами. У Андрея достаточно «заморских диковин» — «вереница символов либидо», объединяющих противоположности, показывающие грани освобождающей силы.

В финале сказки Андрей находит обгоревшие остатки своего «домишки». Бывшие эго-установки в процессе трансформации «сгорели». Переживание потери былого естественно для эго-структуры. Но сильное, упругое эго способно обнаружить «пустое» место на границе культуры и природной стихии — духовное состояние спокойствия, «ничто» — и осмыслить происходящее. Марья-царевна в этот раз сама нашла мужа — «прилетела сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой». Никаких дополнительных усилий со стороны стрелка для обращения дикой птицы в женщину не понадобилось. Связь эго героя с душой крепка, его анима верна и надежна. Возвратившийся стрелок — герой, прошедший мужскую инициацию и владеющий разнообразными навыками и умениями. Сват-Наум на пустом месте у синего моря поставил дворец, «такой славный, лучше царского». Внутренний микрокосм, дом героя стал значительно объемнее, богаче и содержательнее. Андрей с помощью «заморских диковин» легко одолел в сражении разгневанного царя и все его войско. Прежняя «власть» погибает, не выдерживая напора молодой творческой силы. Бывший стрелок становится подлинным царем под стать своей жене-царевне. Вот один из возможных результатов мужского индивидуационного пути.

Мы видим, изначально неравноправные и противоположные феномены женской мудрости и мужской «простоты» (по сути, глупости) оказываются психологически очень близкими. Более того, женская мудрость смогла проявить себя практически только во взаимоотношении с мужчиной. Похоже, что в культурной традиции женская мудрость открывается через мужское восприятие.

Аналитическая интерпретация, амплификация, просмотренного выше содержания сказки могла принести много интересных открытий К., если бы терапевтическое странствие пациента продолжилось. Но К. остановился и повернул назад в шаге от коренной психологической метаморфозы, фактически «удрал» из терапии сразу после встречи с «Бабой-ягой». Так «накопленная энергия (либидо) перед рискованным и ответственным решением бессильно устремляется обратно в инфантильный канал: в отношения к родителям» [19].

4. Задумал «Я» побег

Финальный этап данной терапевтической работы подводил пациента к психической архетипической реальности, содержащей пограничный ужас и хаос; тревога К. вновь заметно усилилась. Он жаловался: «нельзя понять кто ты, сидя дома, нельзя получить жизненный опыт, не имея свободы, а от тебя требуется только то, чтобы не расстроить маму», «я заблудился, я иду не туда, эта дорога меня никуда не ведет, не та дорога, не то средство, я себя обманываю». Во сне он видел себя маленьким домиком без стен, однако, отказывался обсуждать динамику сновидческого образа «дома» с самым враждебным видом. Доброжелательное сочувствие со стороны психолога воспринимал как часть коварного плана. Подобные реакции демонстрировали переносную реакцию пациента, негативную идеализацию психолога — Бабы-яги, демонической матери обладающей страшной силой. Очевидно, тревожные фантазии пациента в отношении психолога состояли из проекций высокоэнергетичного образа архетипической Матери, посягающей на его автономию.

Было понятно, К. подошел к чему-то опасному, он в огромном изобилии выдавал чувства, представляющие сложную архаичную смесь, в которой превалировал ужас перед надвигающейся депрессией, способной заставить его опять переживать брошенность, неважность, ненужность.

Последние три месяца терапия продвигалась с большим трудом, психолог, ясно различая степень пограничной расщепленности К., стала ощущать собственную беспомощность и думать, что не подходит ему в качестве аналитика. Так страх психолога тормозил вовлечение в глубокий кризис, переживаемый пациентом. Кроме этого, пациент начал беззастенчиво нарушать границы договоренности о конфиденциальности содержания сессий. «Вне всякого сомнения, это говорило о том, что анализируемый не может, как сказали бы алхимики, «держать сосуд закрытым», где под сосудом имеется в виду аналитический теменос, такое поведение разрушает аналитический процесс» [21, с. 148]. Невозможность открыто обсудить реакции фрустрировала психолога. Только доверие, которого не наблюдалось ни у психолога, ни у пациента, могло позволить пойти на риск вхождения в зону перманентной неопределенности. Содержание одних из последних снов пациента явно указывало, что его анима осталась в теневой части — «он хочет вывезти домой *своих* женщин (список значимых женщин, начиная с бабушки), застрявших на *Черном море*, но не может». Вероятно, его до встречи с архаичной материнской силой не смогла полностью интегрировать проявления анимальной природы.

Страх вновь быть брошенным оказался самым сильным, и пациент бросил терапию первым. До этого он ушел от любовниц, от жен; от психолога тоже, в каком-то смысле, отделился от амбивалентной матери, так как на психолога проецировалось много материнских качеств. Женщины были самым значимым аспектом психической жизни К., и именно поэтому он принуждал их испытать боль травмы, которую когда-то пережил сам. Мак-Вильямс обобщает: «Пограничные пациенты оказываются в безвыходном положении: чувствуя близость к другому человеку, они впадают в панику из-за страха поглощения и тотального контроля; обособляясь, они чувствуют себя до боли покинутыми...ни близость, ни дистанция не приносят комфорта [6, с.170]. Таким образом, цена «пограничности», которую приходилось платить К., заключалась в ужасном ущербе внешним отношениям и в том, что он делал по отношению к самому себе.

Как отмечают Догерти и Вест, пограничный пациент легко втягивает окружающих в свою архетипическую драму [2, с.155]. Психолог была для К. плохой и хорошей матерью, поддерживая терапевтический контейнер для проработки ранних травм. Однако осознанного спуска в царство тьмы, темноту бессознательного не произошло. Взаимное недоверие, страх и обоюдное желание контролировать ненадежного спутника (спутницу) прервали терапию на грани принципиальных изменений. Контрпереносная потребность терапевта контролировать пациента, по мысли Шварц-Саланта, представляет серьезную угрозу терапевтическому

процессу. «Если терапевт идет на поводу, он уподобляется «старому королю», правящему нормальной компетентной личностью. Эта невротическая потребность может сильно подорвать целительный процесс, усиливая расщепление в пациенте и между пациентом и терапевтом» [9, с.317].

5. Выводы. Это только присказка, сказка — впереди

Развитие сказочного сюжета наглядно представляет протекание мужского глубинного индивидуационного процесса, инициированного «брачным союзом», в котором мужчина вынужден познавать различные проявления женских архетипических структур. Следование героя по пути символически представляет психодинамическую модель, в которой мужское/анимусное эго последовательно реализует себя для осуществления трансценденции: сначала через аниму, находящую проективное воплощение в понятном человеческом образе и в творческой деятельности, затем — через депрессивное погружение в глубины бессознательного, далее — через знакомство и усмирение коварной теневой части анимы, после — через взаимодействие с разнообразными гранями материнского архетипа, и, наконец, во встрече с полярными сторонами Самости. «Анима есть и остается представительницей бессознательного, которое никогда не может быть слито в единое целое с полностью доступными человеку сферами» [13].

В процессе терапии К. начал изучать характер индивидуальных травм и социальных неудач, согласился исследовать собственную структуру полярных отношений с матерью и другими близкими женщинами, «открыл себя с другой стороны», но оказался не готовым встречаться с архетипической психической реальностью, где властвовала Великая Мать (попутно он также отказался признать роль и место, которое занимал образ отца в его психической констелляции).

Пациент, имеющий психическое расщепление на «хорошие» и «плохие» аспекты себя и других, привыкший осознавать лишь одну из противоположностей, а другую вытеснять в бессознательное, может непредсказуемо метаться между полюсами. По мере укрепления эго происходит «облегчение» нарциссической Персоны, осознание власти материнского комплекса, смещающего психическую энергию в область бессознательного, на территорию Тени, пугающую архетипическим хаосом неизвестности и нуминозностью. Однако именно в этом пространстве локализованы анима, анимус и Самость, развивается индивидуация.

К. не смог пройти через напряженную преграду защитных механизмов. Несмотря на их примитивизм, они оберегают эго от повторного погружения в травматический опыт и глубокую регрессию, в пограничный хаос. Ожидания пациента в отношении поддержки психолога не оправдались в полной «детской» мере, сработала типичная модель —отвержение, завершившееся разрывом терапии, сохраняющее и оберегающее незрелость эго.

Литература

1. Джонсон Роберт А. Он: глубинные аспекты мужской психологии, 2-е издание. – М., Когито-Центр, 2008 – 174 с.
2. Догерти Дж.Нэнси, Вест Дж.Жаклин Матрица и потенциал характера: с позиций архетипического подхода, в поисках неиссякаемого источника духа. – М., Когито-Центр, 2014 – 400 с.
3. Дикманн Ханс Юнгианский анализ волшебных сказок. Сказание и иносказание. – М., Академический проект, 2000 -234 с.
4. Зеленский В.В. Толковый словарь по аналитической психологии, 3-е издание. – М., Когито-Центр, 2008 – 335 с.
5. Кляйн Мелани Развитие в психоанализе// Часть третья. Объектные отношения. — М.: Академический проект, 2001 – 512 с.
6. Мак-Вильямс, Нэнси Психоаналитическая диагностика. Понимание личности в клиническом процессе. – М., Класс, 2010 – 475 с.
7. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. – М., Рефл-бук, Ваклер, 1998 – 462 с.
8. Фон Франц М.-Л. Толкование волшебных сказок. – М., Б.С.К., 2004 – 248 с.
9. Шварц-Салант Натан Пограничная личность. Видение и исцеление. – М., Когито-Центр, 2016 – 368 с.
10. Шварц-Салант Натан Черная ночная рубашка. Комплекс слияния и непрожитая жизнь. – М., Институт консультирования и семейных решений, 2008 – 240 с.
11. Юнг К.Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции – М., Астер-Х, 2015 – 253 с.
12. Юнг К.Г. Архетип и символ – М., Канон+, 2016 – 336 с.
13. Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. – Киев, государственная библиотека для юношества, Port-Royal ,1996 – 384 с.
14. Юнг К.Г. Дух Меркурий. – М., Канон+, 1996 – 381 с.
15. Юнг К.Г. О психической энергии//Структура и динамика психического (сборник), - М., Когито-Центр, 2008 – 102 с.
16. Юнг К. Г. Психологические типы. – М., АСТ, 1997 – 370 с.
17. Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа Матери// Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации – М., Академический проект, 2015 – 328 с.
18. Юнг К.Г. Происхождение героя// Юнг К.Г. Символы трансформации. – М., АСТ, 2008 – 738 с.
19. Юнг К.Г. Символы и метаморфозы либидо. – СПб, Издательство Восточно-Европейского Института Психоанализа,1994 - 416 с.
20. Юнг К.Г. Символы Матери и возрождения// Юнг К.Г. Символы трансформации. – М., АСТ, 2008 – 738 с.
21. Якоби Марио Встреча с аналитиком. Феномен переноса и человеческие отношения. – М., Институт Общегуманитарных Исследований, 1996 – 181с.
22. Афанасьев А.Н. Русская народная сказка «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» – <https://mishka-knizhka.ru/skazki-dlay-detey/russkie-narodnye-skazki/russkie-volshebnye-skazki/podi-tuda-ne-znaju-kuda-prinesi-to-ne-znaju-chto>

23. Кляйн Мелани Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. – <http://www.klex.ru/1ba> (дата обращения 23.11.2016)
24. Моник Ю. Кастрация и мужская ярость. Фаллическая травма. – СПб, электронная библиотека ВЕИП – <http://eeip.ru/biblio/library/category/monik-u.html> (дата обращения: 05.05.2017)
25. Стайн Мюррей Трансформация: Проявление самости. – <http://jungdream.ru/library/70.html>
26. Энциклопедия символики и геральдики – <http://www.symbolarium.ru/index.php/> Краткая энциклопедия символов
27. DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders IV —диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам IV издания) – <http://www.studfiles.ru/preview/1741583/> (дата обращения: 24.12.2016)

**ABOUT THE APPLICATION OF THE ANALYTICAL AMPLIFICATION METHOD
IN THE THERAPY OF A PATIENT WITH BORDERLINE MENTAL DISORDER BASED ON THE FAIRY TALE
«GO THERE — I DON'T KNOW WHERE, BRING THAT — I DON'T KNOW WHAT»**

Savkina S.B., sbsavkina@yandex.ru, analytical psychologist, full member of the OPPL, accredited member of the Union of Psychotherapists and Psychologists, private practitioner. St. Petersburg, Russia.

Annotation. This article describes a fragment of psychotherapeutic work in the paradigm of Jungian analysis using the amplification method with a patient with borderline mental disorder. Amplification is a tool of analytical work introduced into practice by C.G. Jung, which allows to investigate and interpret explicit and hidden psychodynamic processes through symbolic language. In essence, the amplification process is the comprehension of an individual's individual mental life through the use of collective experience of knowledge: myths, legends, fairy tales, etc. «In myths and fairy tales, as in dreams, the soul tells its own story, and the interaction of archetypes is revealed in its natural frame: "creation, re-creation, eternal spirit eternal entertainment»[13]. In the case of this patient, the Russian folk tale «Go there — I don't know where, bring that — I don't know what» was universally suitable [22]. Based on the research of recognized authors of psychoanalysis and analytical psychology, the amplification of this fairy tale can be considered as an outline of the male path of individuation, a «synthetic process» described by C.G. Jung[12]. «A possible goal, a healthy purpose of assimilating processes is the path of individuation, implying self-fulfillment, becoming a person himself. Individuation from Lat. in-dividuum means «indivisible», «undivided» [19]. Individuation presupposes the achievement of a psychically new integrated state, the establishment of a stable connection between the ego (a conscious identified image of the «I») and the archetype of the Self (a complex center of mental life that connects the unconscious and conscious knowledge of a person about himself and transforms the personality). The amplification of this fairy tale allows us to explore the intrapsychic interaction of the archetypal pair — the masculine principle in the conscious field of a man and the female in his unconscious — at different stages of development. Such interaction reflects a real relationship with the opposite sex, mirroring the inner/outer male/female part of the personality. Also, this amplification makes it possible to assume that it is the main factor «triggering» the process of individuation in men.

Keywords: borderline disorder, analytical psychotherapy, amplification, individuation, ego, anima, self.

References

1. Dzhonson Robert A. On: glubinnye aspekty muzhskoj psihologii, 2-e izdanie. – M., Kogito-Centr, 2008 – 174 s.
2. Dogerti Dzh.Njensi, Vest Dzh.Zhaklin Matrica i potencial haraktera: s pozicij arhetipicheskogo podhoda, v poiskah neissjakaemogo istochnika duha. - M., Kogito-Centr, 2014 – 400 s.
3. Dikmann Hans Jungianskij analiz volshebnyh skazok. Skazanie i inoskazanie. – M., Akademicheskij proekt, 2000 -234 s.
4. Zelenskij V.V. Tolkovij slovar' po analiticheskoj psihologii, 3-e izdanie. – M., Kogito-Centr, 2008 – 335 s.
5. Kljajn Melani Razvitie v psihoanalize// Chast' tret'ja. Ob#ektnye otnoshenija. — M.: Akademicheskij proekt, 2001 – 512 s.
6. Mak-Vil'jams, Njensi Psihoanaliticheskaja diagnostika. Ponimanie lichnosti v klinicheskom processe. - M., Klass, 2010 – 475 s.
7. Nojmann Je. Proishozhdenie i razvitie soznaniya. – M., Refl-buk, Vakler, 1998 – 462 s.
8. Fon Franc M.-L. Tolkovanie volshebnyh skazok. – M., B.S.K., 2004 – 248 s.
9. Shvarc-Salant Natan Pogranichnaja lichnost'. Videnie i iscelenie. – M., Kogito-Centr, 2016 – 368 s.
10. Shvarc-Salant Natan Chernaja nochnaja rubashka. Kompleks slijanija i neprozhitaja zhizn'. – M., Institut konsul'tirovanija i semejnih reshenij, 2008 – 240 s.
11. Jung K.G. Analiticheskaja psihologija. Tavistokskie lekcii – M., Aster-H, 2015 – 253 s.
12. Jung K.G. Arhetip i simbol – M., Kanon+, 2016 – 336 s.
13. Jung K.G. Dusha i mif: Shest' arhetipov. – Kiev, gosudarstvennaja biblioteka dlja junoshestva, Port-Royal, 1996 – 384 s.
14. Jung K.G. Duh Merkurij. – M., Kanon+, 1996 – 381 s.
15. Jung K.G. O psihicheskoj jenergii//Struktura i dinamika psihicheskogo (sbornik), - M., Kogito-Centr, 2008 – 102 s.
16. Jung K. G. Psihologicheskie tipy. – M., AST, 1997 – 370 s.
17. Jung K.G. Psihologicheskie aspekty arhetipa Materi// Jung K.G. Struktura psihiki i process individuacii – M., Akademicheskij proekt, 2015 – 328 s.
18. Jung K.G. Proishozhdenie geroja// Jung K.G. Simvolj transformacii. – M., AST, 2008 – 738 s.
19. Jung K.G. Simvolj i metamorfozy libido. – SPb, Izdatel'stvo Vostochno-Evropskogo Instituta Psihoanaliza, 1994 - 416 s.
20. Jung K.G. Simvolj Materi i vozrozhdenija// Jung K.G. Simvolj transformacii. – M., AST, 2008 – 738 s.
21. Jakobi Mario Vstrecha s analitikom. Fenomen perenosa i chelovecheskie otnoshenija. – M., Institut Obshegumanitarnyh Issledovanij, 1996 – 181s.

22. Afanas'ev A.N. Russkaja narodnaja skazka «Pojdi tuda – ne znaju kuda, prinesi to – ne znaju chto» – <https://mishka-knizhka.ru/skazki-dlay-detey/russkie-narodnye-skazki/russkie-volshebnye-skazki/podi-tuda-ne-znaju-kuda-prinesi-to-ne-znaju-chno>
23. Kljajn Melani Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie bessoznatel'nyh istochnikov. – <http://www.klex.ru/1ba> (data obrashhenija 23.11.2016)
24. Monik Ju. Kastracija i muzhskaja jarost'. Fallicheskaja travma. – SPb, jelektronnaja biblioteka VEIP – <http://eeip.ru/biblio/library/category/monik-u.html> (data obrashhenija: 05. 05.2017)
25. Stajn Mjurrej Transformacija: Projavlenie samosti. - <http://jungdream.ru/library/70.html>
26. Jenciklopedija simboliki i geral'diki – <http://www.symboiarium.ru/index/php/> Kratkaja_jenciklopedija_simvolov
27. DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders IV —diagnosticheskoe i statisticheskoe rukovodstvo po psihicheskim rasstrojstvam IV izdanija) - <http://www.studfiles.ru/preview/1741583/> (data obrashhenija: 24.12.2016)